

Дуана Байман.

Куда-бы не пришел дуана Байман всюду, как дым, исчезают бедствия; радость и спокойствие приносит дуана Байман всем молодым и старым, джигитам и аксакалам, девушкам, женщинам и старухам, всем найдет Байман слова утешения.

Байман не умеет говорить тихо, небо разговаривает громами и его слова понятны Байману; услышавшие слова дуана Баймана долго их не забывают, только дети, у которых уши словно молодые личинки, пугаются крика дуана Баймана, а матери в длинные, зимние ночи, когда не спят и плачут дети, пугают их:

— Замолчи, а то придет дуана Байман, а закроешь глаза он не придет...

И, затаив дыхание, умолкают дети, они знают, как громко кричит дуана Байман. Тяжела жизнь матерей киргизок и они радуются этой минуте отдыха...

Приехали из Оренбурга к дуане Байману посланцы от атамана Дутова и сказали:

— Атаман любит слушать певцов киргизских, атаман послал за тобой, но знай: от твоих песен зависит жизнь многих аулов, наш атаман строгий, шуток не любит, все аулы сожжет, по всей степи огонь пустит, если неподходящие песни будешь петь.

Покачал дуана Байман головой и сказал послам:

— Ничтожный человек дуана Байман в глазах вашего атамана и слушать правду он не будет, а лжецов у него и своих достаточно, не для чего тогда беспокоить дуану Баймана.

— Говорят, ты знаешь будущее. Атаман желает знать будущее, — мы дадим много денег, скажи, что атаман победит, больше ничего не надо и аулы киргизские останутся целыми.

— Дуана Байман скажет то, что прикажут сказать духи Абаканских гор, Байман сам не знает, что он будет говорить, может быть это будут слова черные, слова бедствий, будут лететь они, как слюна разъяренного верблюда; я жалеть не буду. Вы грозите, атаман может сжечь аулы, я сожгу тогда радостные мысли вашего атамана, его мозги будут только грязной тряпкой. Я ничего не знаю, может быть это будут слова радостные, как пение птиц весной, как свет солнца, не знаю что буду говорить, это знают только духи Абаканских гор. Не любит черных слов проклятия дуана Байман: на реке Чаурдай стоит деревня Раздолье, там за казаком живет и плодит детей не русских и не киргизских любимая дочь моя Чекунды, но разве Байман кричал слова проклятия, — нет, он молчал. А на реке Тахир стоит деревня Черноярка, там живет фельдшер лицом киргиз, а по одежде и языку русский, кто этот сын Нарекеня, хана Нурекеня. Мой сын там фельдшер, но черных слов проклятия не кричал дуана Байман...

— Мы дадим денег.

— Сор земли мне не нужен, неподкупен дуана Байман, с духами Абаканских гор умеет говорить дуана Байман без денег. Я не боюсь вашего атамана, я еду...

В юрте белой расшитой узорами: — синими, красными, зелеными, с чийвыми перегородками, вышитыми разноцветными шелками бухарскими, на мягких подушках сидел атаман Дутов и пил кумыс, а кругом стола сидели его приближенные. На столе в миске лежал сваренный молодой барашек. Атаман Дутов сказал:

— Много о тебе я слышал, говорят, ты знаешь будущее, говори только правду и ты получишь награду.

— Награду я потребую большую, боюсь, что не под силу будет платить.

— Говори.

И, глядя прямо в глаза, сказал дуана Байман:

— Уходи из нашей степи.

— Ест люди выше меня и этого я не могу исполнить, но могу обещать не трогать киргизских аулов...

— И скота?..

— Обещаю, издам приказ, чтобы за все платили деньгами...

— Хитрый ты человек, но кто может обмануть дуана Баймана. Мысли человека лежат кругами и нет ни начала, ни конца, но Дуана Байман находит конец и начало. Ты думаешь Байман для спасения своего народа скажет приятные слова. Я жалею киргизский народ, но дуана Байман говорит слова духов Абаканских гор, не свои слова, — чем больше горя будет вами сделано, тем большее отомщение будет вам...

— Ну, ты говори, да не заговаривайся — сказал атаман, — не особенно боимся.

— Я еще ничего не предсказывал, за мое предсказание ты постараешься убить меня, но разве можно убить дуану Баймана. Вот я надеваю священный костюм, вот я беру бубен и буду говорить слова духов Абаканских гор.

В костюме шамана, с бусами и цветными лентами бьет в бубен дуана Байман, вертится, зовет духов Абаканских гор, поет заунывно, долго, надоедливо, как осенний мелкий дождь, но вдруг голос его стал подобен грому, а слова четкие, как крупный дождь в ясную погоду, слова быстрые, как молния, и вонзаются они в мозги, как жало стечных шмелей, бросил бубен дуана Байман, рвет одежду, бросает на пол и остается голым.

— Горе и бедствия над степью, горят разоренные аулы, но горе вам, — близко отомщение. Вот вы бежите в Китай по безводной голодной степи, жгучий песок пустыни слепит глаза и залазит в рот и ноздри. На чужбине бьют атамана по морде кулаками и течет кровь. Железная телега умерла и дрыгает одним колесом — ногой. Горе вам, мщение от духов Абаканских гор...

— Пристрелить эту собаку — сказал атаман Дутов.

Один за одним полетели злобные слова, пули из наганов и браунингов; мертвый лежал дуана, шаман Абаканских гор, Байман, и неожиданно поползла одежда, словно гигантская черепаха; ползли, словно разноцветные жуки, бусы: смешные, пузатые, цветные змеиленты извиваясь ползали, бубен прикатился к руке шамана...

Раскрыв рты и почесывая затылки, стояли удивленные казаки.

— Что рты разинули — крикнул атаман Дутов, — стреляйте в него, негодяи...

В полном шаманском облачении медленно встал дуана Байман, шаман Абаканских гор, и пошел к реке Тахир.

— Мерзавцы, подлецы, стреляйте.

И опять злобно защелкали наганы и браунинги, но медленно шел дуана Байман, — к реке Тахир ушел дуана Байман...